

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2025.78.76.010

Трансформация образа врага в современном национализме: от этнического к глобалистскому

Меметов Энвер Рустемович

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу трансформации образа врага в современном национализме в условиях глобализации и кризиса доверия к либеральным институтам. Автор показывает, что если в классическом национализме XIX–XX вв. враг определялся преимущественно в этнических и религиозных категориях, то в национал-популизме 2010–2020-х годов он смещается к образу «глобалистской элиты» и наднациональных институтов. В исследовании применяются методы дискурс-анализа и сравнительного кейс-анализа (Германия, Франция, Венгрия, Польша, Италия, США). Проведённый анализ выявил формирование нового трансатлантического дискурсивного феномена: националистические движения в разных странах используют схожие риторические конструкции («глобалисты», «либеральная элита», «брюссельские бюрократы», «Вашингтонское болото»), интегрируя этнокультурные мотивы в более широкий антиглобалистский нарратив. Научная новизна исследования состоит в систематизации этой пан-национальной тенденции и выявлении её универсальных драйверов. Практическое значение работы заключается в том, что понимание эволюции образа врага позволяет прогнозировать стратегии националистических движений и их влияние на международные отношения. Сделан вывод, что современный национализм сохраняет логику дихотомии «свой – чужой», но наполняет её новым содержанием, адаптированным к вызовам глобализованного мира.

Для цитирования в научных исследованиях

Меметов Э.Р. Трансформация образа врага в современном национализме: от этнического к глобалистскому // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 6А. С. 108–117. DOI: 10.34670/AR.2025.78.76.010

Ключевые слова

Национализм, национал-популизм, образ врага, глобализм, элиты, дискурс, идентичность, Европа, США, популистская риторика.

Введение

В политологической литературе отмечается, что образ «врага» играет ключевую роль в процессе конструирования коллективной идентичности нации [Schmitt, 1963]. Классический национализм XIX–XX вв. в значительной степени формировал врага как этнического или религиозного «Другого» – группы, находящиеся за пределами нации, либо противостоящие ей по культурно-конфессиональному признаку [Smith, 1991]. Однако в начале XXI в., под воздействием процессов глобализации, цифровизации и кризиса доверия к либеральным институтам, произошло смещение этого традиционного образа. В риторике современных правонационалистических движений Европы и США всё чаще на первый план выходит расплывчатый образ «глобалиста», а вместе с ним – категории «либеральная элита», «наднациональная бюрократия» и «технократ» [Müller, 2016].

Цель данной статьи состоит в научном обосновании трансформации образа врага в современном национализме: от акцента на этнокультурном «инородце» к противопоставлению глобалистской элите, символизирующей наднациональные силы. Новизна исследования заключается в систематизации данного сдвига на основе теоретико-методологического анализа и кейс-анализа политического дискурса националистических и популистских движений последних лет.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: как и почему образ врага в риторике националистических движений трансформировался в эпоху глобализации? Предлагаемая гипотеза заключается в том, что под влиянием глобальных изменений и эрозии доверия к традиционным институтам враг национализма сместился «снизу» – от конкретных этнических аутгрупп – «наверх», воплотившись в образах глобальных элит и институтов [Mudde, 2007]. Для проверки гипотезы применяются методы дискурс-анализа официальных заявлений, программных документов и публичных выступлений лидеров националистических движений, а также сравнительный кейс-анализ по странам (Германия, Франция, Венгрия, Польша, Италия, США). Теоретическую основу составляют классические и современные концепции политического врага (К. Шмитт), радикального национал-популизма (К. Мудде, Я.-В. Мюллер) и национальной идентичности (Э. Смит).

Теоретико-методологические основы: враг в политике и национализме

В своих основополагающих работах Карл Шмитт утверждал, что сущность политического составляет дихотомия «друг – враг» и что «специфическое политическое различие есть различие между другом и врагом» [Schmitt, 1963]. Шмитт подчеркивал, что речь идёт не о частной неприязни, а об идентификации коллективного врага, угрожающего самому существованию политического сообщества [Schmitt, 2007]. При этом критерии отграничения врага не сводятся к какой-либо одной категории: врагом может стать любая группа, если конфликт с ней достигает экстремальной степени интенсивности [Schmitt, 2007]. Исторически национализмы часто определяли врага по этническому, расовому или религиозному признаку – как внешнего «Иного», угрожающего единству нации. Такая персонификация врага сплачивала «своих» через противопоставление «чужим» и оправдывала мобилизацию во имя защиты нации. Как отмечал Энтони Смит, образ чужого «Другого» является неотъемлемым элементом мифологии нации, позволяющим очертить границы общности и придать ей смысл единства [Smith, 1991].

К концу XX – началу XXI века исследователи начали фиксировать, что националистический дискурс претерпевает изменения под влиянием новой глобальной среды. Современные подходы связывают правый популизм с переосмыслением врага как внутреннего «антинационального» элемента – космополитичной элиты, оторванной от народа [Norris, Inglehart, 2019]. Голландский политолог Кас Мудде определяет идеологическое ядро правого популизма как сочетание национализма и антиэлитизма, описывая популизм как «тонкоцентричную идеологию», которая делит общество на два антагонистических лагеря – «чистый народ» и «коррумпированную элиту», – и утверждает, что политика должна выражать генеральную волю народа [Mudde, 2007]. Аналогично, Ян-Вернер Мюллер подчёркивает анти-плюралистическую природу популизма: популисты претендуют на монополию представительства единственного подлинного народа и отвергают легитимность любых оппонентов, клеймя их аморальными и чуждыми интересам общества [Müller, 2016]. Таким образом, современный национал-популизм вводит новую версию дихотомии «свой – чужой»: народ против элит. Эта схема функционально замещает прежнюю этническую дихотомию – чужеродные меньшинства по-прежнему могут представляться врагами, но центральное место во враждебном образе занимает уже не этнический «иностранец», а «свои чужие» – внутренние глобализированные элиты, обвиняемые в предательстве национальных интересов.

Теория национализма Энтони Смита и других этносимволистов помогает объяснить, почему, несмотря на процессы глобализации, национальная идентичность продолжает нуждаться в оппозиционном образе «другого». Национализм, по Смиуту, черпает эмоциональную силу из мифов о происхождении, культа предков и образа золотого века, противопоставляемых силам, угрожающим уникальности нации [Smith, 1998]. В эпоху глобализации прямое этнокультурное противопоставление ослабевает, однако ему на смену приходят новые, более абстрактные оппоненты, олицетворяющие размывание традиционной общности. Национализм гибко адаптируется: как отмечал Смит, он остаётся «единственным по-настоящему действенным идеалом общности» даже в условиях глобализации, изменяя лишь объект своей враждебности [Smith, 1991].

Таким образом, методологически обоснованно рассматривать современный национализм как продолжающий шмиттовскую логику friend/enemy, но с трансформированным набором критериев врага. Всё большее значение приобретают ценностно-идеологические маркеры («глобализм» против «патриотизма», «космополитизм» против «приверженности почве»), тогда как этнические различия утрачивают статус единственного основания вражды.

От мигранта к «глобалисту»: трансформация образа врага в Европе и США

Современные националистические и национал-популистские движения по всей Европе и в США всё чаще конструируют двухуровневый образ врага. С одной стороны, сохраняется риторика отчуждения в адрес «врагов извне» – мигрантов, беженцев, этно-религиозных меньшинств, чьё присутствие интерпретируется как угроза культурной гомогенности и безопасности [Brubaker, 2017]. С другой стороны, всё более отчётливо звучат мотивы противостояния «врагам сверху» – транснациональным элитам, глобальным институтам и космополитическим ценностям, воспринимаемым как навязываемые извне [Norris, Inglehart, 2019].

В странах Западной Европы радикально-националистические партии в последние

десятилетия переориентировали свою идеологию с акцента на этническую исключительность к защите национального суверенитета от глобализации. Так, во Франции Марин Ле Пен в 2010-е гг. намеренно смягчила традиционную ксенофобскую риторику «Национального фронта» (ныне – «Национальное объединение») и выдвинула на первый план противопоставление «глобалистов» и «патриотов». В президентской кампании 2017 г. Ле Пен открыто заявляла, что страна стоит перед выбором между «патриотами» и «глобалистами», относя своего оппонента Э. Макрона к лагерю последних [Shields, 2019]. В её выступлениях «безродные космополиты» и «привилегированные элиты больших городов» фигурировали как враги «забытой простонародной Франции» [Ivaldi, 2018]. При этом традиционный «внешний» враг – иммигранты, в особенности мусульмане, – не исчез из риторики Ле Пен, но был встроен в более широкую схему: миграция представлялась следствием заговора глобалистов, стремящихся разрушить национальную цивилизацию [Taggart, Piro, 2021].

Аналогичные трансформации прослеживаются и в Германии. Партия «Альтернатива для Германии» (AfD), возникшая в 2013 г. как протест против углубления европейской интеграции и политики еврозоны, изначально критиковала брюссельскую бюрократию за подрыв национального суверенитета. Уже в середине 2010-х гг. её риторика сместилась в сторону антимиграционной повестки, в особенности после решения А. Меркель о политике «открытых дверей». Однако примечательно, что враг в дискурсе AfD определяется не только в лице мигрантов, но и в лице «космополитической урбанистической элиты», которая, по утверждениям партии, навязывает мультикультурализм вопреки воле «простых немцев» [Lees, 2018]. Один из лидеров AfD, Александр Гауланд, противопоставлял «новый глобализированный класс, говорящий на английском и живущий между Берлином, Лондоном и Сингапуром» – «коренному народу», привязанному к своей Heimat (Родной стране) [Gopffarth, Stavenhagen, 2020]. В немецком политическом дискурсе закрепилось и понятие «верха», ответственного за все кризисы: Брюссель, берлинский истеблишмент, а также «лживые СМИ» (Lügenpresse) – все они объединяются в образ единой элиты-врага, противостоящей народу.

В Восточной Европе, где национализм традиционно обладал сильными позициями, последние десятилетия также принесли сдвиг фокуса образа врага. Наиболее яркий пример демонстрирует Венгрия при Викторе Орбане и его партии «Фидес». Орбан последовательно позиционирует себя как противника глобализма: в одном из выступлений он призывал «отвергнуть идеологию глобализма», обвиняя институты ЕС в стремлении построить европейскую «империю» без учёта национального суверенитета [Bayer, www]. Венгерское правительство развернуло кампанию против финансиста Джорджа Сороса, представляя его кукловодом наднациональной сети НКО, якобы поощряющих миграцию. В официальных плакатах 2018 г. использовался лозунг «Стоп Брюссель!», а Сорос изображался символом «наднациональной либеральной элиты», стремящейся ослабить Венгрию [Enyedi, 2018]. При этом ксенофобская составляющая риторики сохранилась: Орбан продолжает говорить о «мусульманской миграционной угрозе» и «смешанном обществе», грозящем Европе [Mudde, 2007]. Однако эта угроза, по его утверждению, инспирирована глобалистскими силами – «альянсом многонациональных групп и финансовых спекулянтов», против которого венгерский народ должен сплотиться [Buzogány, 2017]. В итоге враг венгерского национализма приобретает комплексный характер: иммигрант представлен как инструмент в руках глобалистов.

Аналогичная модель прослеживается и в Польше при правящей партии «Право и Справедливость» (PiS). Здесь враждебный образ формируется как сочетание неприятия «чуждых западных либеральных ценностей» (например, гендерного равенства,

интерпретируемых как навязанные извне) с обвинениями брюссельской бюрократии во вмешательстве во внутренние дела страны. Лидеры PiS, включая Ярослава Качиньского, неоднократно заявляли, что польская оппозиция служит интересам «брюссельских господ» или даже Берлина, противопоставляя «патриотический польский народ» – «либеральной космополитичной элите» [Stanley, 2016]. В 2016–2020 гг. PiS инициировала кампанию против гендерных нечетких ориентаций, объявив её иностранным (западным) влиянием, угрожающим польской нации – фактически, внутренним врагом, за которым стоят глобальные либеральные круги [Graff, Korolczuk, 2017]. Таким образом, и в Польше образ врага вышел за пределы этнического: он включает не только традиционных исторических оппонентов (Германию или Россию) либо национальные меньшинства, но и абстрактный глобальный либерализм, трактуемый как угроза национальному укладу.

В странах Южной Европы схожие тенденции демонстрирует Италия. Партия «Лига» под руководством Маттео Сальвини трансформировалась из регионалистского движения в национал-популистскую силу с выраженной евроскептической позицией. Сальвини активно противопоставляет «итальянцев» и «брюссельских бюрократов». В 2018 г. он заявил: «Права итальянцев на здоровье, работу и пенсии стоят выше аргументов брюссельских бюрократов», — открыто обозначив чиновников ЕС как угрозу национальному благосостоянию [Reuters, www]. В риторике партии образ врага включает «евробюрократов», «банкстеров» и «неолиберальных технократов», которых обвиняют в навязывании Италии жёсткой бюджетной экономии и миграционных квот. При этом Сальвини продолжает демонизировать нелегальных мигрантов и рост преступности, однако объясняет их присутствие «безответственностью или злым умыслом элит» [Meyer, www]. Таким образом, итальянский национал-популистский дискурс вписывается в общий паттерн: «свои» (народ) противопоставляются «чужим» как «сверху» (транснациональные элиты), так и «снизу» (мигранты), причём последние изображаются инструментом глобалистских сил.

В США приход к власти Дональда Трампа в 2016 г. знаменовал перенос риторики правого популизма в мейнстрим. Трамп открыто противопоставлял себя «глобалистам» и использовал это противопоставление даже на площадке ООН. В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2019 г. он заявил: «Будущее не принадлежит глобалистам. Будущее принадлежит патриотам», фактически воспроизведя центральный тезис национал-популизма: национальное государство должно противостоять глобалистской идеологии [Trump, www].

На внутренней арене Трамп и его сторонники из движения Make America Great Again (MAGA) конструировали образ врага в лице «либерального истеблишмента» — от федеральных бюрократов (deep state) до ведущих СМИ, которые он в публичных выступлениях и в Twitter называл «врагами народа» [The Washington Post, www]. При этом традиционные элементы американского ультраправого дискурса (антииммигрантская и расовая риторика, например, «мусульманский бан» или демонизация латиноамериканских мигрантов) интегрировались Трампом в более широкий нарратив: источником этих угроз объявлялись транснациональные элиты, заключавшие «плохие сделки», выносившие производство за границу и пренебрегавшие интересами «простых американцев» [BBC News, www].

Таким образом, движение MAGA воспроизводило тот же паттерн, что и европейский национал-популизм: врагами становились как «снизу» (мигранты, меньшинства), так и «сверху» (ООН, ВТО, космополитичные миллиардеры, либеральные элиты). Центральное место в дискурсе занимал глобалист как обобщённый враг — наднациональный, «безродный», действующий в ущерб американской нации.

Обобщая проведённый кейс-анализ, можно заключить: образ врага в современном национализме стал менее конкретным в персональном плане, но при этом более чётко идеологизированным. Если в XIX–XX вв. врагом обычно выступал конкретный этнос, нация или соседнее государство, то сегодня на первый план выходят абстрактные категории – глобализм, либерально-космополитическая элита, наднациональные институты. Эти враги обезличены, однако националистический дискурс приписывает им черты единого актора, действующего против «народа». Таким образом, популистская риторика объединяет два измерения конфликта: вертикальное (народ против элит) и горизонтальное (нация против «чужаков»).

Враг всё чаще представляется как «глобальный Другой», одновременно внешний и внутренний: чужие ценности и группы, проникшие в общество благодаря предательству собственных элит. Причины этого сдвига коренятся в объективных изменениях последнего десятилетия. Глобализация привела к тому, что угрозы всё чаще воспринимаются не как действия конкретной страны или этноса, а как следствие наднациональных процессов — миграционных потоков, транснационального терроризма, глобальной конкуренции на рынках. Националисты переносят акцент с «чужого соседа» на «неосязаемые центры влияния» — Брюссель, Уолл-стрит, Силиконовую долину.

Цифровизация усилила этот тренд: в интернете получили широкое распространение конспирологические нарративы о «мировом правительстве», «плане Сороса» или «глубинном государстве», укореняющие образ невидимого глобального врага, действующего через локальных «агентов» — мигрантов, НКО, СМИ [Miller-Idriss, 2020]. Параллельно углубился кризис доверия к либеральным институтам: последствия мирового кризиса 2008 г., рост неравенства и политические скандалы породили убеждение, что элиты утратили легитимность и «продались глобальным интересам» [Norris, Inglehart, 2019].

Как отмечает К. Мудде, в Европе и США за последние десятилетия нарастает «усталость от технократического либерализма», когда ключевые решения делегируются рынку, наднациональным организациям (ЕС, МВФ) и неполитическим институтам (центробанкам), что воспринимается как отчуждение власти у народа [Mudde, 2017]. Национал-популисты используют это недовольство, противопоставляя «демократию без выбора», где любые партии проводят одну и ту же глобалистскую повестку, — своей программе «возврата суверенитета народу». В этом контексте образ глобалистского врага становится инструментом мобилизации массового возмущения против status quo и оправданием радикальных перемен под лозунгом «вернём страну народу».

Заключение

Анализ теоретических подходов и дискурса националистических движений показал, что образ врага в современном национализме претерпел существенную трансформацию. Если классический национализм XIX–XX вв. противопоставлял нацию явному «Другому» — этническому или религиозному инородцу, — то националистический популизм 2010–2020-х годов конструирует нового врага в лице «глобалистской элиты». Враг становится менее осязаемым этнически, но более всеобъемлющим идейно: это совокупный образ наднациональных сил, подрывающих, с точки зрения националистов, суверенитет, культурную целостность и благосостояние народов.

Враждебность, ранее направленная преимущественно вовне (на соседние государства или

мигрантов), теперь развернута в двух направлениях: вовне – против глобальных центров влияния, и вовнутрь – против их предполагаемых «агентов влияния» внутри нации.

Научная новизна данного исследования состоит в обобщении этой пан-национальной тенденции и выявлении её универсальных драйверов. В рамках сравнительного анализа кейсов из Европы и США показано, что фактор глобализации и связанный с ним кризис доверия к элитам привели к сходным конструктам врага в разных национальных контекстах. Националистические лидеры, апеллируя к различным историческим мифам, используют почти идентичный словарь: «глобалисты», «космополиты», «либеральная элита», «брюссельские бюрократы», «Вашингтонское болото» и пр. Это указывает на формирование трансатлантического дискурсивного феномена, в котором антиглобалистская риторика становится ядром национал-популизма.

Практическое значение выводов заключается в том, что понимание эволюции образа врага позволяет прогнозировать поведение националистических движений и риски для международных отношений. Когда врагом объявляются не конкретные государства, а глобальные институты и ценности, националисты могут оправдывать выход из международных соглашений, подрыв наднациональных организаций и внутренние репрессивные меры под предлогом борьбы с «пятой колонной глобалистов».

С научной точки зрения результаты подтверждают релевантность классических концепций (friend/enemy у К. Шмитта) и теорий популизма (К. Мудде, Я.-В. Мюллер) для анализа современной политики: логика разделения на «своих» и «чужих» сохраняется, но содержание этих категорий смещается в соответствии с историческим контекстом.

Трансформация образа врага от этнического к глобалистскому отражает адаптацию национализма к реалиям глобализованного мира. Нация по-прежнему мыслится как осаждённая крепость, но враги теперь абстрактны, связаны с глобальными социальными и политическими процессами. Дальнейшие исследования могли бы показать, как именно этот сдвиг закрепляется в массовом сознании (например, через медиа-анализ) и какие последствия он имеет для демократических институтов. Однако уже сейчас очевидно: понимание нового образа врага является ключом к объяснению современной националистической политики и вызовов, которые она бросает либеральному мировому порядку.

Библиография

1. Brubaker R. Why Populism? // *Theory and Society*. 2017. Vol. 46, no. 5. P. 357–385.
2. Buzogány A. Illiberal Democracy in Hungary: Authoritarian Diffusion or Domestic Causation? // *Democratization*. 2017. Vol. 24, no. 7. P. 1309–1330.
3. Enyedi Z. Democratic Backsliding and Academic Freedom in Hungary // *Perspectives on Politics*. 2018. Vol. 16, no. 4. P. 1067–1074.
4. Gopffarth J., Stavenhagen M. Ideology and Discourse in the AfD: The Nationalism of the ‘Little People’ // *German Politics*. 2020. Vol. 29, no. 3. P. 333–351.
5. Graff A., Korolczuk E. Anti-Gender Politics in Poland: Catholicism, Conservative Nationalism and the Attack on Women’s and LGBT Rights // *European Journal of Women’s Studies*. 2017. Vol. 24, no. 2. P. 151–166.
6. Ivaldi G. Populism and the 2017 French Presidential Election // *French Politics*. 2018. Vol. 16. P. 296–313.
7. Lees C. The ‘Alternative for Germany’: The Rise of Right-Wing Populism at the Heart of Europe. London: Routledge, 2018. 218 p.
8. Meyer B. Repel and Rebuild: Expanding the Playbook Against Populism [Электронный ресурс] // Tony Blair Institute for Global Change. 5 January 2023. URL: <https://institute.global/insights/politics-and-governance/repel-and-rebuild-expanding-playbook-against-populism> (дата обращения: 22.08.2025).
9. Miller-Idriss C. Hate in the Homeland: The New Global Far Right. Princeton: Princeton University Press, 2020. 272 p.
10. Mudde C. Populism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2017. 160 p.

11. Mudde C. *Populist Radical Right Parties in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 404 p.
12. Müller J.-W. *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. 123 p.
13. Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 594 p.
14. Reuters. Italy's Salvini says Italians' rights come before EU arguments [Электронный ресурс]. 22 May 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/italy-politics-salvini-idUSL5N1SS3P3> (дата обращения: 22.08.2025).
15. Schmitt C. *Der Begriff des Politischen*. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. 96 S.
16. Schmitt C. *The Concept of the Political*. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 142 p.
17. Shields J. *The Extreme Right in France: From Pétain to Le Pen*. London: Routledge, 2019. 280 p.
18. Smith A. D. *National Identity*. London: Penguin, 1991. 226 p.
19. Smith A. D. *Nationalism and Modernism*. London: Routledge, 1998. 304 p.
20. Stanley B. The Post-Communist Divide: Nationalism, Populism, and PiS in Poland // *East European Politics and Societies*. 2016. Vol. 30, no. 2. P. 270–291.
21. Taggart P., Pirro A. The Populist Politics of Euroscepticism in Times of Crisis // *Politics*. 2021. Vol. 41, no. 1. P. 19–37.
22. Trump, Donald J. Remarks by President Trump to the 74th Session of the United Nations General Assembly [Электронный ресурс] // Trump White House Archives. 25 September 2019. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-74th-session-united-nations-general-assembly/> (дата обращения: 22.08.2025).
23. Lili Bayer. Orbán warns of dangers of European 'empire' [Электронный ресурс] // Politico.eu. 23 October 2018. URL: <https://www.politico.eu/article/viktor-orban-warns-of-dangers-of-european-empire/> (дата обращения: 22.08.2025).
24. The Washington Post. Trump renews attacks on media as 'the true Enemy of the People' [Электронный ресурс]. 29 October 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-renews-attacks-on-media-as-the-true-enemy-of-the-people/2018/10/29/9ebc62ee-db60-11e8-85df-7a6b4d25cfbb_story.html (дата обращения: 22.08.2025).
25. BBC News. Trump signs order to suspend refugee admissions and ban people from seven Muslim-majority countries [Электронный ресурс]. 28 January 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-38777437> (дата обращения: 22.08.2025).

Transformation of the Enemy Image in Modern Nationalism: From Ethnic to Globalist

Enver R. Memetov

Graduate Student,
Academy of Labour and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Abstract

The article analyzes the transformation of the enemy image in modern nationalism within the context of globalization and the crisis of trust in liberal institutions. The author demonstrates that while classical nationalism of the 19th-20th centuries predominantly defined the enemy in ethnic and religious terms, national populism of the 2010s-2020s has shifted towards the image of the "globalist elite" and supranational institutions. The research employs methods of discourse analysis and comparative case analysis (Germany, France, Hungary, Poland, Italy, USA). The conducted analysis reveals the formation of a new transatlantic discursive phenomenon: nationalist movements in different countries utilize similar rhetorical constructs ("globalists", "liberal elite", "Brussels bureaucrats", "Washington swamp"), integrating ethno-cultural motifs into a broader anti-globalist narrative. The scientific novelty of the study lies in systematizing this pan-national trend and identifying its universal drivers. The practical significance of the work is that understanding the

evolution of the enemy image enables forecasting strategies of nationalist movements and their impact on international relations. It is concluded that modern nationalism retains the logic of the "us vs. them" dichotomy but fills it with new content adapted to the challenges of a globalized world.

For citation

Memetov E.R. (2025) Transformatsiya obraza vruga v sovremennoy natsionalizme: ot etnicheskogo k globalistskomu [Transformation of the Enemy Image in Modern Nationalism: From Ethnic to Globalist]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (6A), pp. 108-117. DOI: 10.34670/AR.2025.78.76.010

Keywords

Nationalism, national populism, enemy image, globalism, elites, discourse, identity, Europe, USA, populist rhetoric.

References

1. Brubaker R. Why populism? // *Theory and society*. 2017. Volume 46, No. 5. pp. 357-385.
2. Buzogani A. Illiberal democracy in Hungary: the spread of authoritarianism or internal causes? // *Democratization*. 2017. Volume 24, No. 7. pp. 1309-1330.
3. Enyedi Z. Retreat from democracy and academic freedom in Hungary // *Views on politics*. 2018. Volume 16, No. 4. pp. 1067-1074.
4. Gopffart J., Stavenhagen M. Ideology and Discourse in the AfD: the Nationalism of the 'little people' // *German politics*. 2020. Volume 29, No. 3. pp. 333-351.
5. Graff A., Korolchuk E. Anti-gender policy in Poland: Catholicism, conservative nationalism and the attack on women's and LGBT rights // *European Journal of Women's Studies*. 2017. Volume 24, No. 2. pp. 151-166.
6. Ivaldi G. Populism and the presidential elections in France in 2017 // *French Politics*. 2018. Volume 16. pp. 296-313.
7. Liz S. "Alternative for Germany": The rise of right-wing populism in the heart of Europe. London: Routledge, 2018. 218 p.
8. Meyer B. Reflect and rebuild: expanding the arsenal of means to combat populism [Electronic resource] // Tony Blair Institute for Global Change. January 5, 2023. URL: <https://institute.global/insights/politics-and-governance/reflect-and-rebuild-expanding-playbook-against-populism> (accessed: 08/22/2025).
9. Miller-Idris S. Hatred at Home: the New Global Far-right. Princeton: Princeton University Press, 2020. 272 p.
10. Madde S. Populism: a very brief introduction. Oxford: Oxford University Press, 2017. 160 p.
11. Madde K. Populist right-wing radical parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 404 p.
12. Muller J.-W. What is populism? Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. 123 p.
13. Norris P., Inglehart R. Cultural reaction: Trump, Brexit and authoritarian populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 594 p.
14. Reuters. Italian representative Salvini said that the rights of Italians are more important than the arguments of the EU [Electronic resource]. May 22, 2018 URL: <https://www.reuters.com/article/italy-politics-salvini-idUSL5N1SS3P3> (date of reference: 08/22/2025).
15. Schmitt K. Fundamentals of politics. Berlin: Dunker and Humblot, 1963. 96 p.
16. Schmitt K. The concept of the political. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 142 p.
17. Shields J. The extreme right in France: from Petain to Le Pen. London: Routledge, 2019. 280 p.
18. Smith A.D. National identity. London: Penguin, 1991. 226 p.
19. Smith A.D. Nationalism and modernism. London: Routledge, 1998. 304 p.
20. Stanley B. The post-Communist Split: nationalism, populism and PiS in Poland // *East European Politics and Societies*. 2016. Volume 30, No. 2. pp. 270-291.
21. Taggart P., Piro A. Populist policy of Euroscepticism in times of crisis // *Politics*. 2021. Volume 41, No. 1. pp. 19-37.
22. Trump, Donald J. President Trump's speech at the 74th session of the UN General Assembly [Electronic resource] // Archive of the Trump White House. September 25, 2019. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-74th-session-united-nations-general-assembly/> (date of access: 08/22/2025).
23. Lily Bayer. Orban warns about the dangers of the European "empire" [Electronic resource] // *Politico.eu*. October 23, 2018. URL: <https://www.politico.eu/article/viktor-orban-warns-of-dangers-of-european-empire/> (date of access: 08/22/2025).
24. The Washington Post. Trump resumes attacks on the media, calling them "the true enemies of the people" [Electronic resource].

-
- resource]. October 29, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-renews-attacks-on-media-as-the-true-enemy-of-the-people/2018/10/29/9ebc62ee-db60-11e8-85df-7a6b4d25cfbb_story.html (date of request: 08/22/2025).
25. BBC News. Trump signed a decree suspending the admission of refugees and banning entry to the country for immigrants from seven Muslim-majority countries [Electronic resource]. January 28, 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-38777437> (date of request: 08/22/2025).